

ДВЕ
РЕВОЛЮЦИИ



БЕРЕГИТЕСЬ,
БОГИ ЖАЖДУТ!

ЧАСТЬ I

Через несколько лет после революции, в тысяча восемьсот третьем году, скончался Жан-Франсуа де Лагарп. Был он известным писателем и воинствующим атеистом в молодые годы. Но много претерпел в революцию и умер глубоко верующим человеком. В его бумагах после смерти нашли загадочный текст, весьма взволновавший Европу.

Это — воспоминание. Лагарп пишет о случае, произошедшем незадолго перед революцией. На приеме у одного из вельмож собралось блестящее общество — члены Академии: маркиз Кондорсе — знаменитый ученый, друг Вольтера, философ Шамфор, либеральнейший министр Мальзерб, множество блестящих и, главное, свободомыслящих людей (впрочем, тогда других и не было). Присутствовали и несколько красавиц. Красавицы в ту пору, чтобы быть модными, должны были быть умными... Так что и они принимали горячее участие в разговоре.

Беседовали о том, о чем тогда говорили повсюду — от последней лакейской до герцогских дворцов: о Вольтере, Дидро, Руссо, Монтескье. Все эти великие имена были тогда так

же популярны, как сейчас имена известных футболистов. Издевались над ничтожным королем. Потом перешли к религии. Веселились. Цитировали «Девственницу» «бога неверия» Вольтера (как его тогда почтительно называли), вспоминали строчку Дидро «Кишкой последнего попа последнего царя удавим». Говорили о том, что после революции наступит Царство Разума, когда религия — тысячелетний пережиток — конечно же, исчезнет. Далее беседа зашла о неминуемой Революции. Радовались, что она свершится непременно, но и сокрушались — люди собрались заслуженные и немолодые. Их печалило, что великое Царство Разума, рожденное Революцией, им, увы, не увидеть...

И тут в разговор вступил Казот. Это имя тогда было на слуху. Автор очень популярного мистического романа «Влюбленный дьявол». Но, главное, за Казотом тянулась темная слава предсказателя. Говорили, будто после «Влюбленного дьявола» и начались его пророческие видения. Казот сказал:

— Господа, спешу вас обрадовать: вы все увидите великую Революцию, о которой так мечтаете... Но знаете ли вы, что произойдет после Революции со всеми вами... точнее, почти со всеми? — Здесь он вдруг замолчал.

Маркиз Кондорсе улыбнулся:

— Ну, что же вы остановились? Ученому интересно выслушать прорицателя...

Но Казот все колебался. Наконец, не без усилия, начал:

— Вы, господин Кондорсе, закончите свою жизнь на каменном полу тюрьмы. Вы умрете от яда, который вы, как и многие в долгожданном Царстве Разума, вынуждены будете постоянно носить с собой. Вы примете яд, чтобы избежать встречи с палачом... А вы, господин Шамфор, зарежете самого себя — по той же причине... А вот вы, господин Мальзерб, встретите смерть на эшафоте. И вы... и вы... — он перечислял знаменитые имена сидевших в зале, — все на эшафоте!



Луи-Ролан Тринкесс. Ухаживание. Частная коллекция. XVIII в.

Наступило молчание.

— Ах, какие напасти! Вот что значит заниматься политикой! Насколько мы, женщины, счастливее вас, мужчин, — к политике мы непричастны, ни за что не отвечаем, и потому наш пол.. — засмеялась герцогиня де Граммон, пытаясь обратить все сказанное в шутку.

— ...Ваш пол, сударыня, — резко прервал ее Казот, — не сможет послужить вам защитой. И как бы мало ни были вы причастны к политике, вас, герцогиня, постигнет участь муж-



*Маркиз Кондорсе. Жан-Батист Грез.
XVIII в. Версаль*



*Жак Казот. Жан-Батист Перронно.
1760 г. Лондонская национальная
галерея*

чин. Вас тоже повезут на эшафот... И вас... и вас... и вас... — Он называл имена присутствующих красавиц.

Одна из дам не выдержала:

— Какие ужасы вы нам рассказываете! Что произойдет? Нашу прекрасную родину захватят варвары?

— Нет, — ответил Казот. — Люди, которые отправят всех на смерть, будут такие же поклонники философии, как мы с вами. Они будут произносить те же речи о религии, свободе и Царстве Разума, как мы с вами, но при этом убивать, убивать, убивать!

— Надеюсь, меня отправят в скорбное путешествие в моей новой карете! — Герцогиня де Граммон все еще пыталась обратить в шутку слова Казота.

— Карета? Ну что вы, герцогиня! — как-то монотонно ответил Казот. — Никакой кареты не будет! Телега! Телега па-



Чтение трагедии Вольтера «Китайский сирота» в салоне мадам Жоффрен. Анисе Шарль Габриэль Лемонье. 1812 г. Фрагмент

лача повезет вас всех на эшафот... В карете на эшафот поедет только он один.

— Да кто же этот счастливец?

— Король Франции, — ответил Казот.

— Но это переходит всякие границы! — воскликнул поспешно хозяин.

Но герцогиня продолжала:

— Но что ж вы ничего не сказали о своей участи, господин мрачнейший пророк?

Некоторое время Казот молчал. Потом сказал:

— Я могу ответить только словами Иосифа Флавия, описывающего осаду Иерусалима: «Горе Сиону! Горе и мне!»... Я вижу себя на том же эшафоте, сударыня.

После этого он встал, учтиво поклонился и ушел.

Были ли это реальные воспоминания? Мы с вами, как люди здравомыслящие, предпочтем считать, что это беллетристика. Маленькая новелла в форме воспоминания, всего лишь фантазия писателя.

Впрочем, это не важно, ибо в это время было столько реальных, воистину грозных предзнаменований.

Героиней нашей истории — и одной из главных причин грядущего мирового политического потрясения — станет австрийская принцесса Мария-Антуанетта.

Родилась она *второго ноября* 1755 года. Крестить ее должны были португальские король и королева. Но они не приехали. Потому что за день до этого, *первого ноября*, произошло землетрясение в Португалии, похожее на конец света. Погибло более девяноста тысяч человек. С тех пор ничего подобного в Европе не происходило!..

Мария-Антуанетта вышла замуж за наследника престола Франции, впоследствии короля Людовика Шестнадцатого.

По случаю бракосочетания состоялись празднества и великолепный фейерверк. На площади, которая тогда называлась площадью «Людовика, возлюбленного народом» (король как-то насмешливо спросил: «Интересно, за что они меня так полюбили?»), собрались тысячные толпы. И петарды стали падать на модные многоярусные прически женщин. Волосы загорались. Началась паника, толпа побежала. На ее пути оказались незасыпанные рвы — как у нас на Ходынском поле.



Эрцгерцогиня Мария-Антония Австрийская, будущая Мария-Антуанетта. 1769 г. Жозеф Дюкре. Версаль

И точно так же, как на Ходынском поле, погибло множество людей. И как у нас после Ходынки, это кровавое действие стало считаться в народе грозным предзнаменованием.

Но самым печальным предзнаменованием был сам Людовик Шестнадцатый.